

Развитіе духа штатскихъ въ сынахъ Марса.

Нѣкоторые публицисты инстинктивно почувствовали что-то несоотвѣтствующее воинскому духу, втирающееся въ среду арміи; почувствовали, что многое въ ней заполняется штатскимъ духомъ. «Штатскіе въ арміи!» крикнули они и съ испугомъ стали описывать этихъ штатскихъ въ арміи по ихъ внѣшнему виду, главнымъ же образомъ по мелкимъ, не стоящимъ вниманія, особенностямъ, напримѣръ по мелочнымъ отступленіямъ отъ формы одежды. Въ горячности, они упустили изъ виду, что воинъ становится штатскимъ не только потому, что его сюртукъ короче или длиннѣе на вершокъ—подобныя заключенія вызываютъ лишь улыбку у читателя и послѣдній уже не сможетъ серьезно отнестись къ сообщенію о «штатскихъ» въ арміи.

Когда приходится читать справедливыя жалобы на то, что нѣкоторые изъ невоенныхъ позволяютъ себѣ подражать въ формѣ и даже въ цвѣтѣ матеріала (хаки) одежды,—все-таки становится

грустно и больно: будто нынѣ военнаго отъ штатскаго кромѣ формы, матеріала и цвѣта одежды, ничѣмъ другимъ и не отличить...

Пожалуй даже желательно, чтобы военная форма была образцомъ для подражанія и предметомъ желаній юношества. И такой симптомъ—что студенты и др. переходятъ съ бѣлыхъ кителей на «хаки»... клонить дѣло къ тому.

А между тѣмъ вопросъ о «штатскомъ духѣ въ арміи»—чрезвычайно серьезный, и есть болѣе крупныя его черты. *Прежде всего надо бояться, чтобы мы сами, затѣмъ весь нашъ строй, нашъ укладъ жизни неминуемо не превращали бы насъ въ штатскихъ, а если не совсѣмъ въ штатскихъ, то во всякомъ случаѣ въ чиновниковъ по военному министерству.*

Начиная съ введенія обще-обязательной воинской повинности, всѣ дальнѣйшія мѣропріятія и реформы клонились и клонятся какъ бы къ полному уничтоженію, такъ сказать, кастовыхъ или сословныхъ отличій воинства. Это имѣетъ свою невыгодную сторону. Нынѣ уже военнаго сословія абсолютно не существуетъ, *то, что мы называемъ войскомъ, на самомъ дѣлѣ есть лишь временно вооружаемая часть народа, преимущественно изъ сословія земледѣльческаго, промышленнаго, торговаго,—во главѣ которой постановлены инструкторы-вожди на извѣстный срокъ (въпрямь даже учителя), вслѣдствіе ограниченія сроковъ службы солдатъ, сверхсрочныхъ и чиновъ и офицеровъ.*

Хотя близорукіе проповѣдники и говорятъ о наступившемъ времени всеобщаго уравниенія въ правахъ и о полномъ сглаживаніи сословныхъ различій, но жизнь говоритъ совершенно обратное: мы видимъ сословія купеческое, земледѣльческое (аграріи), промышленное, ученое, духовное и др. типично различающимися одно отъ другого; мы видимъ даже, что число сословій или кастъ увеличилось; напр. адвокаты и вообще судейскіе составили совершенно особую касту. Одно только военное сословіе или военная каста какъ бы разстроилась, исчезла, растворившись во всѣхъ другихъ кастахъ...

Это вполне понятно, такъ какъ сословіе или каста образуются и скрѣпляются *пожизненнымъ* въ нихъ пребываніемъ, а еще лучше—*наслѣдственной преемственностью*. Только тогда и возможно вполне проникнуться свойственными данному сословію или кастѣ понятіями, воззрѣніями, обычаями, всей ея жизнью. Отсюда вполне понятно, что временное, да еще подневольное—не по собственному выбору, а въ силу необходимости,—прѣбываніе на воен-

ной службѣ, не можетъ создать условій благопріятныхъ для выдѣленія военныхъ въ особое сословіе или касту.

На самомъ дѣлѣ мы видимъ гораздо худшее: благодаря перевѣсу начала какъ называемой гражданственности надъ военнымъ началомъ, благодаря укорененію «штатскихъ» взглядовъ, пассивизма и проч.,—нарождаются условія, дѣлающія непозволеннымъ посвященіе всего себя военной службѣ.

Въ то время, какъ въ любой профессіи, въ какомъ угодно дѣлѣ человѣкъ имѣетъ право и можетъ рассчитывать до конца своей жизни посвятить себя привычному, ставшему ему дорогимъ, дѣлу, труду,—въ военномъ дѣлѣ въ силу насущной потребности освѣженія, омоложенія состава, ему это не позволено и вопреки смыслу самой жизни, онъ обязанъ бросить то единственное, чѣмъ онъ жилъ, что составляло смыслъ его жизни и уйти, въ большинствѣ случаевъ гораздо ранѣе того времени, когда онъ почувствуетъ ослабленіе своихъ духовныхъ силъ.

И вотъ, воинъ--офицеръ сталъ видѣть, что онъ прежде всего гражданинъ и чтобы поэтому... не можетъ отдать всей своей жизни, всей своей души и силъ одному военному дѣлу.

Не только общеобязательная, но и добровольная военная служба ограничена, что многіе переводятъ на шутку и мысль: «не растрачивай на службу всѣхъ своихъ силъ и способностей; такъ какъ не вся твоя жизнь можетъ быть отдана военной службѣ; выбери для души другое дѣло; на военной же службѣ отбуди свои года, постарайся урвать побольше и получше кусокъ благополучія почестей и затѣмъ... на свободѣ займись другимъ дѣломъ. Но помни, отдать всю свою душу, жизнь до конца дней твоихъ, или до упадка силъ—тебѣ не позволено»...

Даже ядру арміи—кадру инструкторовъ воспрещено всюду въ арміяхъ пожизненное посвященіе себя военной службѣ до того времени, когда онъ почувствуетъ самъ, что уже не можетъ справиться со своимъ дѣломъ, хотя и на основаніи необходимости—омолодить армію.

А сверхсрочнымъ, цѣнность которыхъ возрастаетъ съ числомъ прослуженныхъ лѣтъ до самой старости,—тѣмъ не менѣе ежегодно лишь разрѣшается наняться еще на одинъ годъ, но не больше въ общей сложности, чѣмъ на пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ... выученныхъ, приученныхъ къ военной службѣ, можетъ быть искренно ее полюбившихъ (несмотря на запрещеніе), отдаютъ другому дѣлу, а берутъ другихъ, чтобы... дать и другимъ заработокъ и приобрести помоложе.

Въ этомъ послѣднемъ (чтобы дать заработокъ) главнымъ образомъ и заключается штатскій взглядъ, усвоенный сверхсрочными.

Военная служба нынѣ—боюсь сказать—для многихъ уже не призваніе, а только средство къ жизни, средство къ достиженію относительнаго благосостоянія и положенія въ обществѣ.

Современный идеалъ военнаго часто абсолютно ничѣмъ не отличается отъ идеала штатскаго—чиновника-гражданина: *обзаведеніе семьей, 20-е число, «тихое и мирное житіе», развлеченіе и удовольствія, очередныя, по старшинству повышенія и награды, мечты объ окончаніи 35-ти лѣтъ и отдыхъ или занятія на другомъ поприщѣ, а то и объ общественной дѣятельности и...* «мирной, безболѣзненной кончинѣ», дома, на постели...

Во времена оны—воинъ полагалъ для себя благополучіемъ жизнь на войнѣ, а дома леченіе ранъ и немощей, нажитыхъ на войнѣ. Нынѣ—иные войны не меньше, если даже не больше штатскихъ, лепечуть о томъ, что война есть необходимое зло, міровое и (пожалуй, про себя) ихъ личное несчастіе.

Чисто военныхъ увлекательныхъ сужденій, разговоровъ, споровъ не услышать иной разъ нигдѣ за исключеніемъ... «Вторниковъ у генерала Бетрицева»¹⁾. На службѣ—старательное отбываніе номера; на семейныхъ и другихъ вечерахъ объ этомъ разсуждать нельзя: все вѣдь секретъ или же не принято; моментально останавливать хоромъ: «за слу-же-бные раз-го-во-ры—бутылка монофору...» Кромѣ того, можно прослыть узкимъ военнымъ педантомъ, не могущимъ ни о чемъ говорить, кромѣ, какъ выражаются, «осточертѣвшей» всѣмъ военщины.

А потому военный, чтобы имѣть успѣхъ у дамъ и въ обществѣ, долженъ отличаться отъ штатскаго только блескомъ формы, а во всемъ остальномъ—долженъ стараться если не превзойти, то не уступать штатскимъ всякаго рода; онъ долженъ поэтому знать литературу, искусства, исторію того и другого и ихъ дѣятелей живыхъ и мертвыхъ (двигателей же военной и общей исторіи—«фи, развѣ это дѣйствительно исторія народовъ?»), долженъ восторгаться учеными и философами, бичующими войну и ея представителей.

И вотъ военный нынѣ можетъ поддержать разговоръ: съ дамами—объ искусствѣ, театрѣ, литературѣ, съ докторами—о меди-

¹⁾ Въ собраніяхъ ревнителей—разговоры нѣтъ; тамъ лишь очень официальные сообщенія и такіе же официальные дебаты передъ аудиторіей.

цинѣ. съ философами—о философіи, съ купцами—о торговлѣ, съ земледѣльцами и помѣщиками о разнопольномъ хозяйствѣ... и единственно въ чемъ онъ не могъ бы поддержать разговора—это по военному дѣлу, смущаясь иногда въ простѣйшихъ опредѣленіяхъ и не будучи въ состояніи отстоять вѣрнѣйшихъ, почти безспорныхъ военныхъ взглядовъ и идей.

Воинъ, какъ воинъ, пересталъ интересоваться дамъ и общество. Теперь ужъ—«душка-штатскій», а не военный, и воинъ сдался и усвоилъ штатскіе взгляды. И въ службу вошли добрые штатскіе порядки: точное, регулярное отбываніе часовъ подъ контролемъ семи нянекъ²⁾; отчеты, экзамены, контроль всѣхъ семи нянекъ—безпрерывно и безъ конца всему и всѣмъ...

Отчеты о всѣхъ занятіяхъ, всякаго рода статистики и... ежедневное, спѣшное доставленіе свѣдѣній дивизионнымъ интендантамъ, отрывающимъ отъ строя миллиономъ запросовъ... А при протестахъ по росту переписки выросло объясненіе, что уменьшеніе переписки только тогда и возможно, когда строевыя части будутъ тщательно и долго обрабатывать свѣдѣнія для дивизионныхъ интендантовъ (свѣдѣнія же эти по положенію даже запрещено требовать, такъ какъ онѣ имѣются въ отчетахъ). И уже ясно, что дивизионные интенданты, снявъ съ начальниковъ штабовъ обузу хозяйственныхъ дѣлъ, удвоили ее на частяхъ войскъ.

Чрезвычайно характерно увлеченіе штатскими порядками и учрежденіями сказалось въ увеличеніи войсковыхъ комиссій; комиссіи (тоже чисто штатская выдумка, такъ какъ комиссія противорѣчить воинскому духу). Несмотря на протесты даже въ печати, на примѣръ, противъ названія «суды чести», комиссія нашла, что названіе «суды чести»³⁾, какъ имѣющееся у адвокатовъ и др. очевидно выше чѣмъ «суды общества офицеровъ».

Казалось бы, что суды чести разбираютъ только преступленія и проступки противъ одной чести, а судъ общества офицеровъ разбираетъ кромѣ уклоненій отъ чести еще уклоненія отъ воинской доблести и благородства, которыя если и могутъ быть отнесены къ чести, то только офицерской, воинской, а никакъ не къ другой, какой, на примѣръ, адвокатской, докторской, профессор-

²⁾ Не по Суворовски, который твердилъ: «солдаты любить ученіе, только, чтобы оно не продолжалось долго и—съ толкомъ».

³⁾ Я самъ протестовалъ въ печати, въ № 1005 «Развѣдчика», въ 1910 году противъ названія «суды чести».

ской и т. д., гдѣ воинская доблесть и благородство, какъ видно изъ практики, не обязательны.

Особенно рельефно замѣчается превращеніе военныхъ въ штатскихъ это—во все болѣе и болѣе развивающейся чувствительности и нервозности.

Сдерживаться, не давать свободы своей чувствительности, въ особенности не выказывать ее наружу, закалить свои нервы—совсѣмъ не по душѣ иному современному военному со штатскими взглядами. Напротивъ, какой-то военный публицистъ-педагогъ, захлебываясь отъ восторга, описывалъ, какъ красиво было, когда кадеты, расчувствовавшись отъ рассказаннаго имъ историческаго факта, всѣ расплакались...

Этотъ публицистъ, ничто же сумняшеся, рекомендовалъ всѣмъ воспитывающимъ умѣть выбирать моментъ и тему для такихъ чувствительныхъ разказовъ, чтобы... вѣроятно развить чрезвычайную чувствительность, граничащую съ женскою истеричностью.

И этимъ всѣ трогаются; никому и въ голову не приходитъ, что при воспитаніи военныхъ надо добиваться не слезъ, которыя всецѣло надо оставить для женской половины, а порывовъ хвататься за оружіе, порывовъ къ борьбѣ со зломъ и врагами Царя и Отечества, стремленія защитить слабыхъ и къ развитію чувства негодованія при малѣйшемъ униженіи своей родины...

Только подъ вліяніемъ штатскаго воспитанія могъ зародиться и долго держаться взглядъ, что война портитъ войска (вообще народъ, все человѣчество).

Зависть другъ къ другу, интриги, подкапываніе «подъ товарищей», взаимное ужасное недовѣріе и потому стремленіе въ чемъ нибудь поймать, явное недоброжелательство, особенно къ товарищамъ-кандидатамъ на повышеніе или награду, нагло-открытое стремленіе отбить жену товарища, вообще полное неуваженіе къ къ семейной собственности товарища, могло ли имѣть мѣсто въ средѣ числящихся наслѣдниками рыцарей, если бы не пагубное вліяніе полонившихъ сыновъ Марса штатскихъ понятій, этики мелкаго чиновничества.

Но и въ начальствованіи вмѣсто эпическаго спокойствія стали подражать сыны Марса: отсутствіе самообладанія, выказываніе своей нервозности (не лучше барынь, жалующихся на «нервы»), несдержанность, доходящая до истерическаго крика, ругани и «изступленія», которыми оправдываются заушенія, все это вовсе не считается не къ лицу воинамъ-вождямъ, т.-е. тѣмъ, отъ кого требуется же-

льзая воля. Куда тамъ! Были открытыя заявленія, что «этого» перенести не могутъ и потому... въ критическія минуты передавали командованіе, такъ какъ оказывались «въ конецъ разстроены».

...Идея нѣкоторыхъ смотровъ и порядокъ ихъ—цѣликомъ взяты изъ штатскаго обихода, а потому и не отличаются, на примѣръ, отъ объѣзда губернаторомъ своей губерніи... И несмотря на новыя въ военномъ духѣ вѣянія и даже приказы по военному вѣдомству (на примѣръ, про инициативу и др.) смотры всѣхъ степеней начальниковъ заключаются не въ повѣркѣ дѣятельности промежуточныхъ начальниковъ, а скорѣе въ повѣркѣ однихъ ротныхъ командировъ и даже взводныхъ: имѣются ли кресты, правильно ли одѣты, знаютъ ли содержаніе картинъ и вообще есть ли «порядокъ» въ ротахъ, батареяхъ, эскадронахъ... И часто ставятъ въ упрекъ, если они не догадываются о скрытомъ желаніи смотрящаго.

Благодаря тому, что начальники всѣхъ степеней смотрятъ каждый роты, батареи, эскадроны, команды, а отвѣчаютъ всѣ начальники промежуточныхъ степеней, всѣ нижестоящіе начальники и будутъ вмѣшиваться во всѣ детали командованія ротой, батареей, эскадрономъ, требуя каждый командованія по своему...

Много, много штатскаго духа набрались сыны Марса!

Но чувствуется возрожденіе. Начинаютъ приниматься мѣры къ развитію воинственности, самообладанія, твердости, невѣзанія въ дѣло младшаго, замѣтно инстинктивное стремленіе отдѣлиться отъ тлетворнаго штатскаго вліянія, но пока только по наружному виду. Нужно же устремиться—освободить чисто военный, рыцарскій духъ отъ угнетенія и плѣна такъ называемыхъ штатскихъ идей

Здѣсь по этому вопросу кажется будто сказано много, однако, гораздо больше недосказаннаго.

А. Дмитревскій.

